

Запретная
любовь

Запретная
любовь

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-33

Оформление серии *Г. Булгаковой*

Запретная любовь : [рассказы и повести
3-33 современных российских писателей] / Мария
Метлицкая, Маша Трауб, Дмитрий Емец и др. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. —
(Все возрасты любви).

ISBN 978-5-699-84162-2

Рассказы и повести этого сборника посвящены запретной любви — любви вопреки: здравому смыслу, общественному мнению, правилам морали, законам Бога и человека. Преступен ли грех, дающий жизнь? Ведь искренняя любовь не может быть аморальной. Свой взгляд на тему грешной любви представляют авторы современной российской прозы Мария Метлицкая, Маша Трауб, Юрий Буйда, Роман Сенчин, Валерий Панюшкин и другие.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2016
© Тронина Т., 2016
© Панюшкин В., 2016
© Сенчин Р., 2016
© Трауб М., 2016
© Аросев Г., 2016
© Ануфриева М., 2016
© Меклина М., 2016
© Щеглова И., 2016
© Емец Д., 2016
© Ульянова М., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-84162-2

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

Вечный запах флоксов

Дорога от станции была знакома до мелочей — до таких незначительных мелочей, на которые обычный прохожий просто не обратил бы внимания. Серый валун у дома с зеленым забором. Густой разросшийся шиповник на перекрестке Садовой и Герцена. Дряхлая, почти черная скамеечка у дома с покосившейся башенкой — когда-то, тысячу лет назад, когда она была еще девочкой, на этой скамейке сидела совсем древняя старуха. Старуха смотрела в одну точку, и казалось, что она дремлет с открытыми глазами. Старухи давно уже нет, а скамеечка все стоит — гнилая, темная, с трухлявыми ножками, прибитыми ржавыми гвоздями.

Трехколесный детский велосипедик, тоже брошенный еще в те времена и так и прижившийся за кустом жасмина, — никто и не думал его убирать.

«Белый дом» — тогда еще самый высокий, с огромной мансардой, выкрашенный в такой непрактичный, совсем «не дачный» цвет. Хозяин его — известный композитор — был чудачком и выдумщиком.

Кривая сосна — и вправду кривая. Совсем не похожая на своих сестер — высоких, стройных, точно гигантские спички, тянущихся еще дальше, вверх.

Эта уродица стояла у дороги — низкая инвалидка с перекрученным стволом и неряшливой разлапистой кроной.

Она служила опознавательным знаком для гостей — мама так обычно и объясняла: «От кривой сосны направо, еще метров двадцать — и серый забор». Еще сосна была демаркационной линией для маленькой Нюты — например, разогнаться на велосипеде можно было только до «кривой». Дальше — ни-ни! И если мама увидит — на следующий день с участка не выпустят. Страшное наказание.

Позже, в возрасте нежном, у «кривой» собирались компашки. И, разумеется, назначались свиданки.

Словом, *кривая* была местом известным и знаковым. Идя со станции, она обязательно

останавливалась у «кривой» — тяжелые сумки оттягивали руки, и, хоть до дому оставалось рукой подать, ей не терпелось передохнуть, оглядеться, глубоко вздохнуть, набрав в легкие воздуха, увидеть свой серый забор и наконец почувствовать, что она — дома.

Московскую квартиру Спешилковы не любили, хотя ждали долго, лет двадцать — в смысле, свою, отдельную. Метро в двух шагах, до рынка пешком. Рай, что и говорить. Да и квартира была замечательная — две комнаты окнами во двор, просторная кухня, большая ванная. Живи и радуйся! Радовались, но... Дачу любили больше.

Жертвовали центральным отоплением, удобствами, поликлиникой, метро и прочими благами цивилизации. Чтобы летом дышать сиренью, жасмином, сосной. Слушать пение птиц, смотреть, как заходит солнце. Слышать, как ритмично барабанит по жестяной крыше дождь. Как желтеет клен под окном, как первый снег покрывает прелые хвою и листья.

И еще — отцу там работалось. Это и было главной причиной. С раннего утра он уходил в крошечную мансарду на втором этаже — лестница шаткая, надо идти осторожно, — включал настольную лампу, садился за старый дубовый стол, покрытый местами заштопанным маминой ловкой рукой зеленым сукном, и — начиналась работа.

Часов в двенадцать мама относила ему стакан чая в подстаканнике — очень крепкий, долька лимона и три ложки сахара. На краю блюда — пара овсяных печений. К обеду отец не спускался — не хотел прерываться. Обедали вдвоем с мамой. А уж ужинали вместе — тут и начинались разговоры про жизнь и про всякое другое. Если работа ладилась, отец был очень оживлен. А если спускался мрачнее тучи, за столом стояла гробовая тишина. И Нюта старалась быстрее поест и юркнуть к себе. Днем полагалось отдыхать. Но не праздно валяться, а читать, или решать примеры, или учить английский. Такой вот был отдых. Она не роптала, только иногда вскакивала с кровати и подбегала к окну. Там была жизнь! Проносились на великах друзья, девчонки сидели на бревнышке и плели венки, провожая пролетающих мальчишек заинтересованными и почему-то осуждающими взглядами. Нюта смотрела на часы и вздыхала — стрелки ползли как сонные черепахи. И вот — свобода! Она выбегала на улицу, распахивала калитку и врывалась в прекрасную жизнь.

Осенью, конечно, уезжали — у дочки школа, ничего не поделать. Но в субботу, с утра пораньше, торопились на электричку — у отца за плечами огромный рюкзак, набитый провизией, да и у мамы приличная сумка.

В электричке было сильно натоплено, и Нюта, прислонившись к отцовскому плечу, засыпала.

А вот когда выходили на платформу... Тут и начиналось всеобщее счастье. Снег, голубоватый, серебристый, сверкающий до боли в глазах, переливался на солнце. На ветках сидели пухлые, словно елочные шары, красногрудые снегири. Под заборами, как заполошные, проносились озабоченные белки. Дорожка была протоптана, и под сапогами снег скрипел и вкусно похрустывал.

Отец шел впереди быстрым, спортивным, уверенным шагом. Мама с Нютой все время отставали и умоляли его замедлить ход. Он посмеивался, оборачиваясь на них, и называл их клушами. Наконец подходили к забору. Отец доставал ключ и долго возился с замерзшим замком, отогревая его зажженными спичками.

Потом пробирались по засыпанной дорожке к дому. В доме было совсем холодно, и отец, сбросив рюкзак, принимался топить печь. Печь была замечательная — уже через пару часов в доме было почти тепло, а уж часа через четыре стояла такая жара, что они раскрывали окна.

Нюта выходила на улицу, лепила снежную бабу, раскидывала пшено в кормушки и бегала в сарай, вытаскивать санки и лыжи.

Потом наспех обедали и наконец отправлялись в лес.

В лесу было чудесно! Мама все время вздыхала, останавливалась, закидывала голову к небу и повторяла:

— Лесная сказка! Просто берендеев лес! Так и ждешь, что из-за елки вот-вот выйдет старик Морозко.

Отец посмеивался и говорил, что мать — отчаянная выдумщица. Отец убегал быстро и далеко, скоро его синий лыжный костюм пропадал за стволами деревьев. Нюта, тоже лыжница с опытом, пыталась его догнать. А мама плелась не спеша, заглядываясь на снегирей и белок и постоянно окликала мужа и дочь.

Возвращались такие усталые, что сил хватало только выпить чаю и рухнуть в постель. А вечером отец просил «ведро жареной картошки», обязательно с салом и лучком. Под эту картошку он непременно выпивал пару рюмочек водки. В печке трещали дрова, в доме было тепло, и снова начинались долгие разговоры «за жизнь». Нюта клевала носом, и отец брал ее на руки и уносил в ее спальню. Сквозь сладкий сон она слышала, что родители еще долго не ложились, тихо журчала беседа, и все так же потрескивали в печке дрова.

Утром будило яркое солнце, и она, сладко потягиваясь, радостно думала о том, какая она счастливая.

Она выскакивала на кухню, где мама уже жарила яичницу, помогала накрывать на стол —

ждали отца. Он, побрякивая, под окнами обтирался снегом, и Нюта махала ему рукой.

Потом собирались домой, и уезжать совсем не хотелось — на даче были самые любимые книжки, самые дорогие сердцу куклы, пальца с незаконченным вышиванием, рисунки — все из ее детства.

А в понедельник начиналась школа. Школу Нюта недолюбливала — училась прекрасно, а вот близких подруг не завела — так получилось. Все самое лучшее, в том числе и подруги, было «дачным».

Два раза в неделю приходила учительница немецкого Эльфрида Карловна, дама строгая и сухая, — по понедельникам и четвергам. А во вторник и пятницу были уроки музыки — их вела замечательная Алла Сергеевна, студентка последнего курса консерватории. Аллочка — так называла ее про себя Нюта — была веселая и остроумная. Она рассказывала смешные байки про студенческую жизнь и кое-что про свой роман с однокурсником. Нюта смущалась и опускала глаза.

Аллочка была хорошенькая, словно кукла, — маленького росточка, очень изящная, с густыми, темными кудрявыми волосами. Однажды она поделилась со смущенной Нютой, что карьера пианистки ее вовсе не занимает — ей хочется замуж, свою квартиру и парочку деток.

— А для чего консерватория? — краснея, спросила Нюта.

Алочка ответила, что Нюта — святая наивность! Где же найти перспективного мужа? Такого, у которого бы «все получилось». А уж она, Аллочка, ему в этом поможет. Сделает из него второго Рихтера, не сомневайся!

Такой подход Нюту расстроил — любимая Аллочка оказалась корыстной и расчетливой. Ей хотелось выбраться из нищеты (жила она в коммуналке, в крошечной комнатке в восемь метров с мамой, подрабатывающей также уроками).

На последнем курсе Аллочка осуществила мечту и вышла замуж — муж ее был из известной музыкальной семьи. И все получилось — пышная свадьба, ресторан, отдельная квартира с домработницей. Вот только мужем стал не тот молодой человек, в которого она была влюблена, а совсем другой. Она пригласила на свадьбу и Нюту, но та не пошла — неловко было смотреть на пышное пиршество и обманутого жениха и родителей. Она знала про Аллочкин корыстный интерес. После Аллочкиного замужества уроки, естественно, закончились — в заработке она больше не нуждалась. Пару раз позвонила бывшей ученице, жарко рассказывая, какая прекрасная наконец настала и у нее жизнь, и — скоро пропала.

Пианино Ньюта закрыла и больше к нему не подходила. Почти пять лет.

Зато теперь четыре раза в неделю приходила Эльфрида — немецкий «надо усиливать», говорил отец. И это было логично и правильно — на семейном совете было решено, что поступать Ньюта будет на немецкую филологию. Логично еще и потому, что Нютин отец был известным переводчиком немецкой поэзии.

Придя с фронта, куда отец попал в последний призыв, двадцатидвухлетним выпускником университета, он встретил Нютину мать, свою будущую жену — вот с этим было ясно в первую же минуту. Юная студентка пищевого института Людочка Крылова покорила сердце молодого фронтовика моментально — она была серьезна, образована и очаровательна — пепельная блондинка с длинной, по пояс, косой и задумчивыми серыми глазами. Подкупило и то, что Людочка всем сердцем любила поэзию. Три месяца прогулок по ночной Москве — чтение стихов попеременно — то он, то она. Иногда кто-нибудь начинал, а второй тут же подхватывал. Словом, полное единение душ. Свадьбу сыграли скромную, в Людочкиной с родителями коммуналке, куда были, естественно, приглашены все соседи. Зажили в углу, отгороженном старой китайской ширмой.

Дачу строили вместе с тестем — своими руками. Жили в полном согласии и уважении,

а когда огромную квартиру принялись расселять, решено было въехать в новую вместе, тем же составом. Тем более что Людочка ждала ребенка.

Соседи уехали осваивать новые районы — Черемушки, Медведково, Зюзино.

А Спешиловым дали в самом центре, на Тишинке, — отец был фронтовиком и уже членом Союза писателей, и тесть, отец Людочки, тоже прошел всю войну.

Нюта родилась на Тишинке и хорошо помнила, как с дедом и бабушкой они ходили на знаменитый Тишинский рынок. Она помнила, как очень боялась калек, просящих милостыню или торгующих старыми вещами.

Дед и бабушка в новой квартире прожили недолго — сначала заболел дед, а следом слегла и бабушка. Так и ушли они один за другим в течение года.

Людочка осталась за хозяйку и очень растерялась — до этого она не знала ни магазинов, ни обедов, ни стирки, ни глажки. Все делала бабушка, умудряясь заниматься еще и внучкой.

Слава богу, что Нюта уже пошла в школу, и Людочка терпеливо, долго и неумело, штудирова поваренную книгу, возилась с обедом.

Отец работал дома и, видя усилия жены, только посмеивался — учись, матушка! Не боги горшки обжигают!

Мать глотала слезы и рвалась на работу. А отец оказался «тираном» — по ее же, Людочкиным, словам. Он был убежден, что место женщины — дома. Тем паче что муж работает там же и дочь «надо встретить со школы».

Людочка вздыхала и бралась за пылесос и тряпки. Иногда она застывала у окна и закусывала губу — ей казалось, что там, за окном, кипит настоящая жизнь. А здесь она пропадает — под вечными домашними руинами и завалами.

Покой в ее душе наступил, когда умный муж приобщил ее к делу — она научилась печатать. Теперь он загружал ее работой, и она чувствовала себя необходимой и значимой.

Послушав подружек, встающих в шесть утра и спешащих на службу, она успокоилась — вот ей никуда торопиться не надо. Не надо так рано вставать, толкаться в метро, после работы спешить обратно домой, обежав несколько магазинов — уже наступила пора дефицита.

Ребенок присмотрен, муж обихожен, она — не замученная жизнью, нервная женщина, а помощница мужу и прекрасная, спокойная мать.

Нюта успешно сдала все экзамены. Учиться было легко и интересно, к тому же появилась и душевная подруга — Зина Быстрова. Готовились вместе к экзаменам, бегали в кино и на выставки, ходили в театры «на лишний